

МИГРАЦИЯ И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

В данной статье рассматривается процесс миграции на территории России, роль категории «этничность» в социальном взаимодействии мигрантов и коренного населения. Также дается характеристика миграционной политики России через восприятие процесса миграции российскими чиновниками.

Ключевые слова: этничность, «другие русские», адаптация, «проблема миграции», миграционная политика.

Постсоветские миграции являются результатом глубоких общественных трансформаций последнего десятилетия. Распад СССР и образование пятнадцати новых независимых республик радикально изменили направление и численность миграционных потоков на территории бывшего Советского Союза. В настоящий момент перед российским правительством стоят следующие проблемы: на каком основании строить внешнюю политику по отношению к странам, в которых есть русские и русскоязычные меньшинства, что делать с иммигрантами, беженцами и перемещенными лицами на территории России и как реагировать на продолжающуюся «утечку мозгов» из Российской Федерации [1].

Проблемы мигрантов касаются не только социально-экономического положения, но затрагивают и психологическую сферу. Прежде всего речь идет о «кризисе идентичности» в ситуации вынужденной миграции. Вынужденные мигранты находятся в такой социальной ситуации, когда избежать негативных трансформаций идентичности практически невозможно. Все это происходит на фоне «кризиса идентичности» современного общества в целом [2, с. 75].

В соответствии с особенностями постсоветского пространства проблема социальной идентичности получила отчетливую «этническую» окраску. В условиях роста межэтнической напряженности на этничность или этническую идентичность как вид социальной идентичности выпадает основная нагрузка по ориентации индивида в обществе. Этничность превращается по существу в форму взаимодействия между культурными группами, действующими внутри общего социального контекста. Выполняя функцию внутриэтнической интеграции, она определяет развитие дезинтеграционных тенденций в обществе в целом.

Переход этничности на один из первых планов в структуре социальной идентичности приводит к доминированию «этнических» форм взаимодей-

* © Полтараднева Е.В., 2010

Полтараднева Екатерина Вячеславовна (kameliya@mail.ru), кафедра социологии и политологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета, 443081, Россия, г. Самара, ул. Стара Загора, 76.

ствия внутри группы. Это означает актуализацию той стороны этничности, которая является результатом принятия субъектом ценностей, норм и образцов поведения своей группы. Итог такой актуализации – внутреннее переупорядочивание группы на основе этнической специфики [3, с. 659].

В результате социально-политических изменений, произошедших после распада СССР, русские ближнего зарубежья переживают кризис социальной (этнической и гражданской) идентичности. Негативные симптомы этого кризиса проявляются в ощущении этнической дискриминации, переживании различных негативных чувств, связанных с принадлежностью к русскому этносу, сомнением в собственной позитивной социальной группе, потерей самоуважения. Для реализации базовой потребности в самоуважении, принадлежности к позитивно оцениваемой, имеющей высокий субъективный статус социальной группе, русские из бывших союзных республик мигрируют на свою этническую Родину.

Возвращаясь на свою историческую Родину, попадая в новые социокультурные условия и вступая во взаимодействие с этнически родственными им русским населением принимающих территорий РФ, русские переселенцы осознают себя «другими русскими».

В результате столь важная в современном обществе этническая идентичность у русских мигрантов является кризисной, порождая чувство отчужденности от этнически родственного «местного» русского населения, препятствуя интеграции в социум.

С другой стороны, для социальных наук часто характерен т. н. «этноцентризм» (В.С. Малахов). В исследованиях миграции, в частности, он выражается в стремлении переоценивать этнические факторы (например, этническую идентичность, роль «актуализации этничности»), считая их основой любых социальных процессов, взаимодействий, конфликтов, солидарностей и социальных сетей, в которые включены мигранты. В результате получаемые учеными выводы не отражают реальной картины образа жизни мигрантов. Данная проблема заслуживает внимания, поскольку не только касается методологии (и терминологии) социальных исследований, но также имеет политические последствия. Злоупотребление этническими категориями способствует воспроизводству мифологий, связанных с миграцией, которые, в свою очередь, приводят к нежелательным практическим последствиям и росту напряженности в обществе [4, с. 4].

Одной из актуальных проблем в процессе адаптации выступает налаживание контактов с «коренным» населением.

Ряд проведенных исследований указывает на распространенность ксенофобии и мигрантофобии в современной России [5, с. 112].

Исследования выявили невысокий уровень терпимости местного населения по отношению к мигрантам. Среди основной массы горожан бытует стереотип представлений о мигрантах как об абсолютно ненужных их городу людях, создающих дополнительные проблемы. Представления об иммигрантах в округе и России в целом не отличаются от расхожих мнений, бытующих в Северной Америке и Западной Европе. Эти типичные мнения, как правило, сводятся к трем моментам: 1) иммигранты приехали преимущественно для того, чтобы улучшить свое материальное положение; 2) иммигранты сни-

жают уровень доходов населения тех мест, куда они прибыли, нанимаясь на работу за более низкую оплату и получая пособия от государственных программ социальной помощи; 3) иммигранты создают социальные «проблемы», так как: во-первых, являются финансовым и иным бременем для остального населения; во-вторых, с большей вероятностью, чем другие слои населения, оказываются вовлеченными в различного рода преступные деяния, как мелкие, так и тяжкие; в-третьих, потому что настаивают на сохранении своих обычаев, демонстрируя нежелание ассимилироваться в принимающее сообщество; и, следовательно, они «покушаются» на привычный распорядок коренного населения, внося смуту и расстройство.

Не стоит забывать также и о том, что сегодня и граждане России переживают трудности перехода к новым социально-экономическим порядкам. Находясь в условиях кризиса и попытках улучшения своего материального положения, люди воспринимают любого «чужака» как конкурента, уменьшающего шансы на обретение лучшей жизни.

Некоторые исследователи обращают внимание на существование в обществе нескольких дискурсов по поводу мигрантов. Есть дискурс образованного слоя. Речь идет о людях, которые в своей повседневной жизни не конкурируют с мигрантами за рабочие места, жилье и т.д. Для них мигранты — жители иного социального пространства. И только в кризисной ситуации они начинают предъявлять мигрантам претензии, передают свои либеральные убеждения. Люди низшего класса, которые находятся с мигрантами в отношениях конкуренции, говорят уже совершенно иначе. И их трудно будет убедить, что права мигрантов должны быть защищены. Или можно выделить дискурс хорошо интегрированных в общество бывших мигрантов. Если мы разговариваем с представителями национально-культурных обществ, то мы видим, какие гигантские различия существуют между ними и новыми мигрантами, людьми, которые дискриминированы, борются за выживание, вырваны из сети привычных социальных отношений [6, с. 167].

Сегодня необходимым является создание в обществе культуры толерантности, позволяющей мигрантам и людям страны, принявшей их, понять и принять друг друга, а не воспринимать появление мигрантов как нашествие варваров.

Однако ситуация эта представляется достаточно проблематичной как раз в силу существования определенных категорий, лежащих в основе дискурсивной организации российского общества, прежде всего в основе дискурса российского чиновничества.

По мнению В. Малахова, в риторической колоде российского чиновника всегда наготове нужная карта. В зависимости от специфики момента он заводит речь либо о многонациональной стране, необходимости крепить дружбу народов и развивать «диалог культур», либо об обострении «национального вопроса» (который, как аппендикс, имеет обыкновение неожиданно причинять боль государственному организму), об ухудшении «межнациональных отношений» (предполагая, что отношениям между «нациями», подобно отношениям между соседями, свойственно то улучшаться, то ухудшаться) и, наконец, об опасных последствиях «конфликта культур». Парадигма «культурного конфликта» (в другой редакции — «столкновения цивилизаций») при-

шлась нашей бюрократии как нельзя кстати. И слова модные, освященные авторитетом маститого политолога, и от ответственности освобождают. Идут кровавые разборки за передел собственности, мы не можем положить им предел, но это и неудивительно, ведь за ними стоит разгул «этнической преступности» и активизация «чеченской» («азербайджанской», «грузинской») мафии. Сбиваются в стаи бритоголовые, терроризируя тех, кого они считают «черными», мы опять бессильны, но тому снова найдется объяснение: реакция на нарушение «этнического баланса». Продолжается вымирание деревни, экономика ежегодно недосчитывается порядка двух с половиной миллионов работников, но мы вместо разработки мер по привлечению и адаптации мигрантов твердим об угрозах «этнокультурной безопасности».

Если проанализировать, по какому принципу выстраивается речь представителей власти, когда они рассуждают о «проблеме миграции», то можно обнаружить двухчастную структуру. Сначала усталая озабоченность по поводу неконтролируемого наплыва нерусских переселенцев, отождествляемого с наплывом преступности, наркомании, безработицы и проч., затем — бодрый репортаж об успехах правоохранительных органов по поимке приезжих нелегалов. Бюрократический ум не может и не хочет раскрыть содержание выражения «нелегальные мигранты». Почему, собственно, они нелегальные? По чьему-либо злему умыслу или в силу объективных причин?

Ждать, что чиновника всерьез интересуют подобные вопросы, бессмысленно. Да и сама «проблема миграции» для него не более чем мифологический конструкт: удобный общий знаменатель, под который можно подвести множество разных проблем для того, чтобы их не решать.

И еще «проблема миграции» — очень действенная пугалка, которую хорошо наставить на обывателя, лишив его тем самым всякого желания думать. Недаром официальные лица, освещающие эту проблему по телевидению, преподносят тему миграции не иначе как в терминах угрозы. Мигранты — это претенденты на блага, которых и без того всегда не хватает на всех. Мигранты — это если не состоявшиеся, то потенциальные преступники. Наконец, мигранты, по причине глубокой культурной пропасти между ними и нами, разрушают социальную сплоченность. Мы тут живем в этнокультурной гармонии, в которой и простой пенсионер, и глава нефтеперерабатывающей компании — части единого организма, а те, которые понаехали, этому организму чужеродны и потому угрожают этнокультурной безопасности.

Как этническое многообразие мигрантов сливается в неразличимое пятно «черных», так и многообразие социальных коллизий, связанных с миграцией, сливается в единое пятно «проблемы миграции» [7].

Противоречивость, непродуманность законодательного обеспечения процесса миграции отмечает и К. Дмитриев: «...Россия оказалась в ситуации, с которой Советскому Союзу никогда не приходилось сталкиваться: наличие 25 миллионов русских и русскоязычных за пределами России и потоки беженцев и вынужденных мигрантов из зон конфликтов на Северном Кавказе и в Средней Азии. Российское правительство приняло на себя официальную ответственность за русских, проживающих за рубежом, еще в 1991 году, но только в ноябре 1992 года Борис Ельцин поручил Министерству иностранных дел обеспечить защиту интересов русских и русскоязычных за предела-

ми России. В том же году была создана Федеральная миграционная служба, через год приняты законы о беженцах, о вынужденных переселенцах, а позже и некоторые другие законы и постановления, которые должны были обеспечить возврат русских и русскоязычных из ближнего зарубежья в Россию и регулировать потоки беженцев из зон конфликтов внутри страны и за ее пределами. Кроме того, Россия присоединилась к международным соглашениям по защите беженцев.

Новые законы создавались по западным образцам. К сожалению, они скорее отражали стремление правительства обеспечить признание России в качестве цивилизованного государства, а не серьезное понимание проблемы или стремление создать реалистичную и работающую миграционную систему. Несмотря на юридическую активность властей и официально декларируемую готовность принять всех желающих из бывших советских республик, российская миграционная политика в отношении беженцев и вынужденных переселенцев, по выражению известной правозащитницы Светланы Ганнушкиной, была основана не на принципе защиты беженцев, а на принципе защиты государства от беженцев. Сюда наложился и традиционный расчет, что все каким-то образом само собой разрешится. Отсутствие опыта, нехватка материальных ресурсов, бюрократические препоны и даже геополитический расчет привели к тому, что основополагающими принципами российской миграционной политики стали стремление удержать русских и русскоязычных сограждан «по месту жительства» в бывших советских республиках и практически полный отказ от поддержки и легализации беженцев из развивающихся стран. Что касается последних, то, когда принимались законы о защите беженцев, никто и подумать не мог, что в нестабильную Россию поедут беженцы из-за границы, и поэтому к их приезду серьезно не готовились. Столкнувшись с проблемой вынужденной миграции из стран Третьего мира, российские власти предпочли не обращать на нее никакого внимания и практически бросили беженцев на произвол милиции и местной бюрократии» [1].

Таким образом, современное состояние политики российских властей в отношении миграции и мигрантов можно охарактеризовать следующим образом: от игнорирования этих процессов, через озабоченность — к созданию механизмов регулирования процессов миграции. Законодательство при этом менялось в сторону ужесточения режима в отношении мигрантов вообще и мигрантов из стран СНГ в частности. По мнению экспертов, «несмотря на признание важности миграционных процессов для экономического и социально-демографического развития страны», на официальном уровне во главу угла по-прежнему ставится достаточно узко понимаемое «обеспечение безопасности государства», а мигранты рассматриваются как источник проблем и экономического ущерба для страны (Н.В. Мкртчян, Е.В. Тюрюканова). Вследствие такой политики подавляющее число мигрантов в стране по-прежнему не имеют легального статуса [4, с. 11].

И как заключает В. Малахов, «не о диалоге/конflikте культур и не о толерантности надо вести речь, а о глубоких социальных, прежде всего правовых, изменениях, без которых все инвективы в адрес расизма и все призывы к межэтнической терпимости останутся пустым сотрясением воздуха» [7].

Библиографический список

1. Дмитриев К. Миграции, новые диаспоры и российская политика // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5>.
2. Шайгерова Л.А. Кризис идентичности в ситуации вынужденной миграции // Психологи о мигрантах и миграции в России: информационно-аналитический бюллетень. №2. М.: Смысл, 2001.
3. Солдатова Г.У. Этническая идентичность // Психология самосознания: хрестоматия. Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2000.
4. Паченков О.В. Этнические экономические мигранты: трансформация социальных отношений: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. СПб., 2008. 24 с.
5. Петров В.Н. Толерантность и идентичность: взаимодействие этнических мигрантов и местного населения в Краснодарском крае // Социологический журнал. 2002. № 4.
6. «Мир делится на называющих и называемых»: власть и ответственность ученых // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002.
7. Малахов В. Расизм и мигранты // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5>.

*E.V. Poltaradneva**

MIGRATION AND RUSSIAN POLICY: CURRENT STATE AND CHALLENGES

The article deals with the process of migration on the territory of Russia, with the role of the «ethnicity» as a category in the social interaction of migrants and original population. The author also gives a characteristic of the Russian migration policy through the perception of migration by Russian government officers.

Key words: ethnicity, «other Russians», adaptation, «migration problem», migration policy.

* *Poltaradneva Ekaterina Vyacheslavovna* (kameliya@mail.ru), the Dept. of Sociology and Political Science, Samara branch of the Moscow City Teacher's Training University, Samara, 443081, Russia.